

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИНЦИПА МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Н. В. Оксютчик

В статье автор исследует вопрос о критериях определения принципа международного частного права. Констатируя недостаточную доктринальную проработку указанного вопроса, автор осуществляет выработку четких критериев определения принципа международного частного права, рассматривая ее в качестве принципиально нового подхода к исследованию принципов международного частного права как правовой категории.

In the present article the author explores the criteria of definition of the principle of international private law. Ascertaining an insufficient theoretical elaboration of the specified question, the author formulates accurate criteria of definition of the principle of the international private law, considering it as an essentially new approach to the research of the principles of the international private law as a legal category.

Ключевые слова: международное частное право, принципы, истинность, универсальность, непротиворечивость, относительная устойчивость, практическая применимость.

Keywords: international private law, principles, verity, universality, consistency, relative stability, practical applicability.

Современный этап развития международного частного права со всей возможной очевидностью свидетельствует о том, что этот полисистемный комплекс норм вышел на качественно новый уровень развития как в масштабах правового регулирования, так и в характеристиках нормативного состава, постепенно приближаясь к уровню универсальной системы норм. Именно в связи с наметившейся тенденцией глобализации международного частного права особую теоретическую актуальность и практическую значимость приобретает вопрос о тех принципиальных положениях, основываясь на которых указанная система правовых норм сможет успешно продолжить свое поступательное развитие. Очевидно, что в данном случае речь не может идти о некой «выработке принципов международного частного права», ибо принцип представляет собой изначально присущую праву категорию, и само историческое развитие международного частного права убедительно доказывает, что процесс формирования этого комплекса норм происходил на основе объективно существующих и внутренне непротиворечивых положений. В этой связи можно говорить о необходимости выявления и доктринальной фиксации объективно существующих принципов международного частного права.

Несмотря на всю свою важность и фундаментальность, указанная проблема продолжает оставаться одной из наименее разработанных в доктрине. Причина этого коренится в том, что вычленение из существующей правовой реальности и последующая доктринальная фиксация принципов

международного частного права является одной из наиболее сложных общетеоретических задач современной науки международного частного права. Ввиду отсутствия четкого нормативного закрепления перечня принципов международного частного права возникает соблазн весьма вольной трактовки указанной категории и, как следствие, включения в перечень принципов международного частного права положений, по сути своей таковыми не являющихся [9, с. 13–15]. В этой связи неперенным условием успешной доктринальной фиксации принципов международного частного права является ее осуществление в комплексе с решением ряда общетеоретических задач, одной из которых является выработка критериев определения принципа международного частного права.

Вообще, вопрос о выработке критериев определения принципа права в целом как общеправовой категории крайне редко затрагивался в доктрине. И это несмотря на существование значительного количества самых разных исследований принципов права такими известными советскими, российскими, белорусскими и зарубежными авторами, как С. С. Алексеев, Э. Аннерс, В. К. Бабаев, М. И. Байгин, Э. Бредли, Дж. Гинзбургс, Р. Давид, Р. Дворкин, В. В. Ершов, В. Н. Карташов, Р. Кей, О. П. Мариков, Н. И. Матузов, В. С. Нерсисянц, Е. В. Скурко, Ю. К. Толстой, Р. О. Халфина, Т. К. Хартли, Л. С. Явич и др. Даже в основательных монографических работах критерии определения принципа права либо упоминаются частично и несколько «вскользь» [11], либо вообще «растворены» в различных разделах исследования [3, 4, 18]. Современные общетеоретические и отраслевые диссертационные исследования также обходят указанный вопрос стороной [1, 16].

Сложившаяся ситуация объясняется прежде всего используемым подавляющим большинством исследователей подходом к изучению принципов права как некоей бесспорной данности, вычленение которых не составляет никакого труда. В результате в настоящий момент, несмотря на огромное количество исследований принципов права и кажущуюся на первый взгляд всесторонней общетеоретическую проработку указанной категории, мы вынуждены констатировать отсутствие единообразного понимания как сущности принципа права, так и его правовой природы. В этой связи в настоящей статье мы предлагаем иной подход к исследованию принципа права: *вычленению принципов международного частного права из правовой реальности должна предшествовать теоретически обоснованная выработка критериев определения такого принципа.*

Необходимость выработки критериев определения принципа международного частного права продиктована тем, что «четкое определение подобных критериев – это, с одной стороны, ключ к формированию обоснованного перечня принципов и, с другой стороны, – инструмент для анализа подхода того или иного автора к принципам с целью выявления как сильных, так и слабых сторон этого подхода» [9, с. 15]. В этой связи

представляется, что любое исследование принципов международного частного права без решения вопроса о критериях определения этих принципов будет методологически и содержательно неполным и, как следствие, приводит к весьма спорным выводам.

Учитывая вышеизложенное, в настоящей статье мы предпримем попытку выработки четкого перечня критериев определения принципа международного частного права, раскроем их содержание и механизм использования в процессе доктринального вычленения из правовой реальности существующих принципов международного частного права.

С нашей точки зрения, критерии определения принципа международного частного права являются, с одной стороны, мерилom относимости любого правового положения (идеи) к принципам международного частного права, и, с другой стороны, представляют собой те необходимые существенные характеристики, которые присущи любому положению (идее), являющемуся принципом международного частного права. Другими словами, указанные критерии выполняют две основные функции:

1) эмпирическая оценка возможности отнесения некоего положения (идеи) к числу принципов международного частного права;

2) раскрытие внутреннего содержания и порядка функционирования принципов международного частного права.

Выполнение первой из обозначенных функций заключается в том, что в процессе формирования перечня принципов международного частного права, исследователь выявляет в некоем положении наличие характеристик, соответствующих определенному критерию, либо констатирует их отсутствие. При этом претендовать на включение в состав принципов международного частного права могут лишь положения, содержащие необходимые характеристики. Установив таким образом соответствие некоего положения определенному критерию, мы переходим к анализу этого положения с использованием следующего критерия, последовательно устанавливая соответствие положения каждому из них. В результате указанного исследовательского процесса включению в перечень принципов международного частного права подлежат исключительно те положения, которые в полной мере соответствуют всем установленным критериям. Несоответствие по крайней мере одному из критериев автоматически исключает то или иное положение из числа претендентов на включение в состав принципов международного частного права.

Важно отметить, что критерий определения принципа международного частного права продолжает выполнять указанную функцию и после закрепления положения в качестве принципа международного частного права. Это проявляется в следующем. В случае если в процессе исторического развития принципа международного частного права он по тем или иным причинам перестанет соответствовать одному либо нескольким установ-

ленным критериям, указанный принцип не будет более рассматриваться в качестве такового и будет исключен из соответствующего перечня. Таким образом происходит саморегуляция системы принципов международного частного права в части естественной очистки от изживших себя положений. Тем самым достигается соответствие системы принципов международного частного права существующей правовой реальности.

Выполнение второй из обозначенных функций критерия проявляется в том, что, используя тот или иной критерий в процессе анализа принципа международного частного права, мы можем наглядно представить основные существенные характеристики этого положения и проиллюстрировать механизм его действия. Последнее особенно важно в случае, если тот или иной принцип нормативно не дефинирован либо его воздействие на сферу частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, не столь очевидно.

Выполнение указанной функции приближает критерий к категории «признак» [16, с. 15], однако это не должно вводить в заблуждение о тождественности этих категорий. В этой связи весьма показателен подход российского исследователя В. В. Ершова, который, описывая юридическую природу принципа как общеправовой категории, отмечает, что «принципы отличаются от норм права ... предельной абстрактностью, высшей степенью обобщенности, фундаментальностью, максимальным освобождением от конкретики и частных, устойчивостью, стабильностью, универсальностью, объективным характером и независимостью от произвольного усмотрения законодателя» [4, с. 75]. Использование автором сугубо описательного метода при анализе принципа права приводит к смешению критериев определения принципа с его признаками, что значительно обедняет целостную картину этого правового феномена. Происходит это потому, что функциональная нагрузка критерия значительно выше, чем у признака, который по сути лишь статично фиксирует присущие тому или иному положению характерные черты. Критерий же позволяет исследователю анализировать принципы права (вообще и международного частного права в частности) в динамике их функционирования и развития, что совершенно необходимо для полного и всестороннего изучения этой внутренне устойчивой и саморегулирующейся системы, подверженной периодическим качественным изменениям.

Установив сущность критерия определения принципа международного частного права, а также выполняемые им функции, можно приступать к их формулированию. Как нами уже было отмечено ранее, критерии определения принципа права практически не вырабатывались ни в общетеоретических, ни в отраслевых исследованиях. Наиболее часто перечень критериев определения принципа права ограничивался лишь универсальностью [11, с. 76–83], а потому перед нами стоит задача самостоятельного научно обоснованного формулирования критериев определения принципа международного частного права.

Для формулировки критериев определения принципа международного частного права представляется обоснованным базироваться на его определении как правовой категории. Исходя из того, что под принципами международного частного права следует понимать «объективно существующие основополагающие, руководящие идеи, осуществляющие функции внутреннего согласования и эффективного функционирования всей системы международного частного права, а также непосредственного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, при наличии в ней пробелов и противоречий» [9, с. 15], мы можем сформулировать следующий перечень критериев определения принципа международного частного права:

- 1) истинность;
- 2) универсальность;
- 3) непротиворечивость;
- 4) относительная устойчивость;
- 5) практическая применимость.

Необходимо отметить, что приведенный перечень не является иерархическим, каждый из указанных критериев обладает равной значимостью, и лишь совокупность этих критериев в полной мере выполняет выше обозначенные нами функции.

Первым из сформулированных нами критериев является *истинность*, под которой понимается *объективное существование принципа международного частного права в существующей правовой реальности в качестве авторитетного положения, применимого для регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом*. Иными словами, указанный критерий обоснованно ставит вопрос о самом существовании некоего правового положения в сфере правового регулирования международного частного права и уровне его значимости и признанности правотворческой и правоприменительной практикой.

Как справедливо отмечала российский исследователь общей теории права О. И. Цыбулевская, «принципы права – не результат субъективного усмотрения законодателей или ученых, а органически присущие праву качества» [13, с. 149], поэтому, говоря об объективном существовании принципа международного частного права, необходимо прежде всего обращать внимание на то, имеются ли достаточные основания утверждать, что принцип действительно сформировался как правовая реальность и не является продуктом усмотрения законодателя либо умозаключений исследователя. Формирование перечня принципов международного частного права, осуществляемое путем простого декларирования, без всестороннего и глубокого анализа правовой действительности, неизбежно порождает такие «юридические химеры», как существование в международном частном праве принципа «мирного урегулирования возникающих споров» [14, с. 10]. В этой

связи анализ того или иного положения через призму критерия истинности позволит, с одной стороны, осуществить в процессе исследования первоначальный отсев положений, случайно оказавшихся среди претендентов на включение в состав принципов международного частного права, и, с другой стороны, избежать соблазна перейти от выявления реально существующих принципов к формулированию их произвольного перечня.

Критерий истинности затрагивает еще один важный аспект процесса выявления принципов международного частного права, связанный с их внешним выражением. Как справедливо отмечают исследователи вопроса о принципах в общей теории права, «принципы, будучи тесно связаны с категориями “закономерность” и “сущность”, могут не находить словесного выражения в правовых нормах, однако определять направленность и характер правотворческой и правоприменительной деятельности, да и развития правовой системы в целом» [10, с. 41]. Именно поэтому равнодопустимы ситуации, когда объективно существующий принцип международного частного права закрепляется в конкретной норме либо не имеет такой фиксации, но может быть логически выведен из всей совокупности норм международного частного права. Таким образом, при применении критерия истинности в процессе исследовательской деятельности происходит доказательственное обоснование существования конкретного принципа международного частного права как правовой реальности вне зависимости от формы его внешнего выражения.

Однако одного доказательства реальности существования некоего правового положения для его соответствия критерию истинности недостаточно. Положение, претендующее на признание в качестве принципа международного частного права, должно иметь достаточную степень авторитетности, так как «именно авторитет (а не наличие санкции и принуждения к исполнению как основных свойств, характеризующих юридическую силу нормы) обуславливает применение принципов права на практике» [11, с. 39]. Трактовка авторитетности в отношении принципа международного частного права, бесспорно, будет носить серьезный оттенок субъективности. Однако отсутствие необходимости построения иерархии принципов, продиктованное тем, что все без исключения принципы международного частного права равны по своей значимости и в совокупности представляют собой логически взаимосвязанную и функционально обусловленную систему, существенно облегчает задачу исследователя, требуя от последнего привести лишь доказательства реального обращения к тому или иному принципу в ходе законотворческой деятельности или правоприменительной практики. Здесь применимы самые различные способы: от статистического анализа закрепления того или иного положения в нормативных правовых актах до поиска упоминания в конкретных прецедентах [7, с. 24]. В результате мы должны убедиться в том, что авторитет определенного положения

достаточен, чтобы рассматривать его в качестве принципа международного частного права, только в этом случае можно говорить о полном соответствии этого положения критерию истинности.

Вторым из сформулированных нами критериев определения принципов международного частного права является *универсальность*, которая многими исследователями общей теории права обоснованно рассматривается в качестве неотъемлемого и обязательного свойства принципа права в целом как правовой категории [4, с. 75; 18, с. 11]. В качестве свойства принципа права универсальность проявляется в его общезначимости, «сквозном» действии, а также в прямом либо косвенном влиянии на всю систему правовых норм.

Учитывая упомянутые общетеоретические посылки, представляется, что под универсальностью как критерием определения принципа международного частного права понимается *способность принципа, в силу присущей ему определенной степени абстрактности, прямо либо косвенно регулировать всю совокупность частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, либо опосредованно влиять на ее регулирование.*

Указанный критерий является во многом основополагающим для определения принципа международного частного права ввиду того, что, являясь сущностной характеристикой последнего, обеспечивает возможность распространения действия конкретного принципа на весь предмет правового регулирования международного частного права как особой системы норм. Как справедливо отмечала российский исследователь Т. Н. Нешатаева, «любая норма позитивного права должна соответствовать общепризнанному принципу» [7, с. 21]. В этой связи именно универсальность принципа своим «пронизывающим» воздействием фундирует и связывает в единую стройную систему нормы международного частного права независимо от их генезиса, оставляя за рамками этой системы положения, противоречащие принципу, что, в свою очередь, приводит к санации нормативного массива от «случайных» элементов, противоречащих принципиальным положениям. Упомянутое воздействие приводит также к тому, что принцип международного частного права в процессе его выявления и дефиниции с неизбежностью теоретически выкристаллизовывается и становится до известной степени абстрактным, ибо только в таком его качестве «достижима действительная универсальность... , содержащая всю полноту конкретного» [11, с. 79]. Именно абстрактность как одно из проявлений универсальности позволяет принципу прямо либо опосредованно влиять на всю систему международного частного права и тем самым выполнять функцию своеобразной «несущей конструкции» указанной системы.

С другой стороны, именно универсальность как критерий определения принципа международного частного права позволяет в процессе теоретически обоснованного вычленения и фиксации существующих принципов

избежать включения в их состав положений, которые таковыми не являются, не допустить смешения принципов как категории высшего порядка с иными элементами системы международного частного права.

Для иллюстрации действенности универсальности как критерия определения принципа международного частного права можно привести пример подхода белорусского исследователя О. Н. Толочко, которая в своей статье формирует перечень принципов международного частного права, включая в него в качестве специальных принципов наиболее распространенные коллизионные привязки [15, с. 25–28]. Указанный подход уже аргументированно признавался нами весьма спорным [9, с. 14–15], а потому лишь отметим, что, даже проанализировав сформулированный перечень так называемых «специальных принципов международного частного права» только через призму критерия универсальности, названный автор с неизбежностью убедилась бы в некорректности своего подхода в связи с тем, что даже при очень широком распространении какой-либо коллизионной привязки мы не можем говорить о ее возможном применении (пусть даже косвенном и опосредованном) для регулирования всей совокупности частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Третьим критерием определения принципа международного частного права является *непротиворечивость*, под которой понимается *внутренняя согласованность принципа в качестве самостоятельного положения в сочетании с его соответствием требованиям, предъявляемым к нему как части целостной системы принципов международного частного права*. Иными словами, принцип международного частного права, оставаясь цельным правовым положением, способным самостоятельно осуществлять весь комплекс регулирующего воздействия на сферу частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, в то же время должен действовать как часть сложной и взаимообусловленной системы принципов международного частного права, не вступая в противоречие с другими принципами как равноправными элементами этой системы.

В этой связи, анализируя некое положение, претендующее на включение в состав принципов международного частного права, с точки зрения критерия непротиворечивости мы должны прежде всего убедиться в том, что указанное положение способно выполнять все свои регулирующие функции в составе единой системы принципов международного частного права таким образом, что его воздействие осуществляется в унисон со всеми остальными принципами, многократно усиливая степень их общего воздействия на сферу частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Успешное функционирование любой системы возможно исключительно в том случае, когда все элементы этой системы действуют параллельно и равнонаправленно. Система принципов международного частного права в этой связи не является исключением. Достаточно наличия

лишь одного принципа, идущего в разрез с любым другим, – и вся система оказывается блокированной и не способной выполнять свои функции. К примеру, белорусский автор М. Л. Чудаева называет в числе основных принципов международного частного права «приоритет общечеловеческих интересов и ценностей» и «автономию воли сторон» [17, с. 11]. В случае если оба эти положения действительно одновременно являются принципами международного частного права, то две стороны, определяющие в договоре право, применимое к регулированию их взаимоотношений в рамках этого договора, должны обязательно убедиться в том, что указанный выбор соответствует «общечеловеческим интересам и ценностям». Очевидно, что это совершенно нереальный вариант развития событий.

Необходимо отметить, что критерий непротиворечивости носит выраженный прикладной характер и необходим прежде всего исследователю, осуществляющему выявление и фиксацию принципов международного частного права, так как сама система принципов, представляющая собой единый саморегулирующийся механизм, не допускает произвольного включения в свой состав противоречивых положений. Однако упомянутый критерий выполняет и фундаментальную функцию. Являясь сущностной характеристикой принципа международного частного права, критерий непротиворечивости постепенно исключает из системы принципов международного частного права положения, которые в процессе исторического развития по тем или иным причинам утратили свою былую значимость или вообще оказались жестко противопоставлены существующей правовой реальности. Подобная «санация» происходит не одновременно, а постепенно, однако неизбежность этого процесса представляет собой яркое доказательство действия критерия непротиворечивости.

В качестве четвертого критерия определения принципа международного частного права нами была сформулирована *относительная устойчивость*, под которой понимается *способность принципа международного частного права с течением времени сохранять свои важнейшие характеристики в сочетании с возможностью внешней и внутренней корректировки в зависимости от объективных изменений всей сферы частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом*.

Устойчивость в качестве неотъемлемого атрибута принципа права как общеправовой категории упоминалась многими исследователями и даже иногда оставалась одной из немногих точек соприкосновения непримиримых научных соперников [3, с. 45–57]. В частности, российский исследователь В. Н. Карташов писал: «... принципы права обладают значительной устойчивостью и стабильностью... на их основе формируются те или иные системы, отрасли или институты права» [12, с. 224]. В этой связи очевидно, что принципы международного частного права, лежащие в основе указанной системы норм, не могут быть подвержены произвольным измене-

ниям, они в течение достаточно продолжительного промежутка времени должны успешно функционировать в принципиально неизменном виде, фундируя тем самым всю систему правового регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Устойчивость принципов – это необходимая гарантия планомерного, поступательного развития международного частного права как особой системы норм.

Вместе с тем международное частное право как универсальный регулятор всей совокупности частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, представляет собой современную динамичную систему норм, чутко откликающуюся на малейшие изменения самых различных сфер жизни современного общества (от семьи до информационных технологий). В этой связи абсолютно устойчивая система принципиальных положений, не приемлющих малейших изменений, несет риск полной стагнации международного частного права, его оторванности от реального регулирования общественных отношений. «Для того чтобы быть реально действующими нормативно-правовыми предписаниями, а не благими пожеланиями и лозунгами, принципы права должны достаточно полно, правильно и всесторонне отражать существующую действительность и основные закономерности развития общества» [12, с. 224–225], именно поэтому в качестве критерия определения принципа международного частного права мы говорим об *относительной устойчивости*, что, на наш взгляд, более справедливо. Принцип международного частного права не может существовать как некая раз и навсегда принятая данность; оставаясь неизменным по сути декларируемых положений, он с течением времени может переживать самые различные трансформации: от корректировки наименования до изменения практики применения. Об этом, в частности, говорит Т. Н. Нешатаева в отношении сформулированного ею «принципа взаимного сотрудничества государств» в международном частном праве, отмечая, что «принцип взаимного сотрудничества прошел долгий путь развития от “мягкой” формы – международной вежливости (comity) до обязанности государств сотрудничать друг с другом во благо своих граждан» [7, с. 23]. Не соглашаясь с автором в части обоснованности существования сформулированного принципа, мы, тем не менее, признаем, что обозначенный механизм является примером функционирования критерия относительной устойчивости.

Другим примером может служить история становления и развития в международном частном праве принципа автономии воли сторон [8]. Пройдя значительный путь от «коллизийного начала действующего права» [6, с. 178] до общепризнанного принципа международного частного права [2, с. 23; 5, с. 35–36] и, соответственно, значительно расширив сферу своего непосредственного применения, автономия воли сторон, тем не менее, сохранила свои основные сущностные характеристики, что, в свою очередь,

оказало значительное воздействие на регулирование всей сферы частно-правовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Учитывая вышеизложенное, представляется очевидным, что любое положение, полностью не соответствующее критерию относительной устойчивости, не может существовать в качестве принципа международного частного права: не обладая устойчивостью, оно не сможет выполнять функцию «несущей конструкции» указанной системы правовых норм, а неспособность своевременно видоизменяться в зависимости от изменений общественных отношений с неизбежностью приведет к тому, что подобное положение будет исключено из состава принципов в процессе саморегуляции системы международного частного права.

Последним критерием определения принципа международного частного права является *практическая применимость*, под которой следует понимать *выполнение принципом международного частного права функций непосредственного либо косвенного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом*. Иными словами, положение может рассматриваться в качестве принципа международного частного права только в том случае, если оно действительно (прямо либо косвенно) регулирует соответствующие правоотношения.

Анализ современной правовой реальности позволяет утверждать, что в настоящий момент принципы международного частного права осуществляют регулирование частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, одним из трех способов:

1) закрепление принципа в нормативных правовых актах в качестве отдельной нормы или совокупности взаимосвязанных норм (института), позволяющее осуществлять непосредственное регулирование соответствующих правоотношений;

2) воздействие авторитета принципа на законодателя, проявляющееся в выработке норм, полностью соответствующих этому принципу;

3) аналогия права.

Как видим, первый и третий способы представляют собой непосредственное регулирование правоотношений, а второй – косвенное. Разберемся в них детальнее.

Говоря о первом способе, необходимо признать, что он является наиболее действенным из всех упомянутых в силу того, что прямое закрепление в нормативном правовом акте предполагает неукоснительное соблюдение той или иной нормы, делает ее применение неизбежным. Однако указанный способ имеет весьма существенный недостаток, который в значительной степени нивелирует обозначенные достоинства. Закрепление принципа международного частного права в нормативном правовом акте в качестве обычной нормы права (без указания на его статус) существенно снижает его роль, растворяя в массе других нормативных предписаний. В этом случае правоприменителю невероятно сложно определить, где прин-

цип международного частного права, а где обычная норма, тем самым практика применения принципа оказывается в тупике.

Второй из обозначенных способов регулирования предполагает осуществление процесса нормотворчества с учетом соблюдения требований принципа международного частного права. В данном случае очевиден риск субъективного подхода законодателя: в силу воздействия собственного сформированного правосознания он будет неспособен полностью объективно определить и сформулировать перечень принципов, которыми ему нужно руководствоваться в процессе нормотворческой деятельности. В этой связи невозможно гарантировать надлежащее регулирующее воздействие принципов международного частного права.

Та же проблема может возникнуть и при применении аналогии права, ведь не свободен от субъективных оценок и судья, который «в принятии решения, ввиду, скажем, недостатка или неясности прямо относящихся к данному случаю позитивных норм, может использовать принцип права, переводя его в норму, связывающую стороны» [11, с. 61].

Вообще, в качестве наиболее предпочтительного варианта регулирующего воздействия принципов международного частного права следует рассматривать научно обоснованное вычленение принципов из существующей правовой реальности с их последующей фиксацией в нормативных правовых актах в качестве *именно принципов международного частного права* и придания им в этой связи соответствующей степени императивности. Указанная фиксация сняла бы все обозначенные недостатки и противоречия в упомянутых способах регулирования, полностью сохранив принципиальную возможность их существования. К сожалению, в настоящий момент она остается практически нереализованной, однако мы выражаем надежду на то, что настоящая статья в некоторой степени поспособствует ее реализации в будущем.

Тем не менее все из обозначенных способов регулирования частнопрововых отношений, осложненных иностранным элементом, с помощью принципов международного частного права, существуют, и задача исследователя состоит в том, чтобы отыскать в правовой реальности подтверждение регулирующего воздействия того или иного принципа. В противном случае не может быть речи о существовании некоего положения в качестве принципа международного частного права: система принципов не приемлет правовых атавизмов.

Таким образом, в качестве принципа международного частного права может рассматриваться лишь положение, в совокупности соответствующее критериям истинности, универсальности, непротиворечивости, относительной устойчивости и практической применимости. Утрата принципом международного частного права в процессе исторического развития соответствия по крайней мере одному из указанных критериев приводит к исключению этого положения из числа принципов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Барышникова Ю. Р.* Принципы частного права: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Казанский государственный ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2006.
2. *Гетьман-Павлова И. В.* Международное частное право : учебник. – М. : Эксмо, 2005. – 752 с.
3. *Дворкин Р.* О правах всерьез : пер. с англ. / ред. Л. Б. Макеева. – М. : РОССПЭН, 2004.
4. *Ершов В. В.* основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права : монография. – М. : РАП, 2010.
5. *Леанович Е. Б.* Международное частное право : учеб. пособие для учеб. заведений по юрид. специальностям. – Минск : ИВЦ Минфина, 2008.
6. *Луцц Л. А.* Международное частное право (Общая часть). – М. : Госюриздат, 1959.
7. *Нештаева Т. Н.* Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. – М. : Изд. дом «Городец», 2007.
8. *Оксютчик Н. В.* Автономия воли сторон как принцип международного частного права // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 октября 2011 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2011.
9. *Оксютчик Н. В.* Понятие принципов международного частного права // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2012. – № 1. – С. 12–16.
10. Правовая система социализма : понятие, структура, социальные связи / Кудрявцев В. Н. [и др.]; под ред. А. М. Васильева. – М. : Юрид. лит., 1986. – Кн. 1.
11. *Скурко Е. В.* Принципы права : монография. – М. : Ось-89, 2008.
12. Теория государства и права : учебник / В. К. Бабаев [и др.]; под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2005.
13. Теория государства и права : курс лекций / Н. И. Матузов [и др.]; под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М. : Юристъ, 1999. – 672 с.
14. *Тихиня В. Г.* Международное частное право. – 5-е изд., перераб. и доп. – Минск : Право и экономика, 2003.
15. *Толочко О. Н.* Принципы международного частного права // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2001. – № 2. – С. 24–28.
16. *Ходыкин Р. М.* Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет) МИД России. – М., 2005.
17. *Чудаева М. Л.* Международное частное право : курс лекций. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – 150 с.
18. *Явич Л. С.* Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). – М. : Юрид. лит., 1978. – 224 с.

Статья поступила в редакцию 13.05.2013 г.